

РОБЕРТ
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Лучшие стихи и песни

+ РУССКАЯ КЛАССИКА +

Роберт Иванович Рождественский

Лучшие стихи и песни

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5957232

Лучшие стихи и песни / Роберт Рождественский: АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-078582-7

Аннотация

В книге собраны лучшие песни и стихи одного из лучших современных классиков Роберта Ивановича Рождественского.

Содержание

«Нахожусь ли в дальних краях...»	7
Начало	9
«Я родился...»	9
Стихи о моем имени	12
Сын Веры	16
«Та зима была, будто война...»	19
Счет	21
Реквием	23
Оттепель	39
Отрывок из поэмы «Совесьть»	39
Часы	40
Утро	43
Творчество	48
Да, мальчики!	51
История	56
Стихи о Хане Батые	60
Винтики	63
Нелетная погода	67
На дрейфующем проспекте ты живешь...	71
Мираж	75
Последняя песня	78
«Приходит врач, на воробья похожий...»	81
Поэма о разных точках зрения	86

1. Сон	86
2. Несколько слов от автора	90
3. Экскурс	93
4. Разговор со случайным знакомым	97
5. Хор со стороны	98
6. Снова несколько слов от автора	103
7. Пример для подражания	106
8. Городской романс	111
9. Еще несколько слов от автора	114
10. Ах, дети...	117
11. И опять несколько слов от автора	119
12. Постскриптум	120
После оттепели	124
Ремонт часов	124
Друг	127
«Родных разыскиваю...»	130
Стыдливые	132
Париж, Франсуазе Саган	135
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Роберт Рождественский

Лучшие стихи и песни

© Рождественский Р. И. (наследники), 2013

© ООО «Издательство Астрель», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Перед вами – сборник гражданской лирики, статей и черновых записей Роберта Рождественского (1932–1994), одного из плеяды «шестидесятников», поэтов «оттепели», переживших свою страну. Стихи расположены в хронологическом порядке, от ранних, наивных клятв пятидесятых («не изменю флагу цвета крови моей») до горьких последних стихов начала девяностых («ты меня в поход не зови, мы и так по пояс в крови»). Составители намеренно не вычеркивали излишне «коммунистические» стихи: на их фоне видно становление поэта, его взросление. И поэтому сборник можно читать как мемуары, очень личный отчет о временах «оттепели» и «застоя», а можно – как любовный роман, историю

человека, который любил свою родину, свято верил всей ее прекрасной лжи и высокой правде, но потом его страна умерла, и вместе с растерянностью к нему пришла мудрость. А еще это – детектив, где тайны раскрываются слишком поздно, а убийцей оказывается время.

«Нахожусь ли в дальних краях...»

Нахожусь ли в дальних краях,
ненавижу или люблю, —
от большого,
от главного
я —
четвертуйте —
не отступлю.
Расстреляйте —
не изменю
флагу
цвета крови моей.

Эту веру я свято храню
девять тысяч
нелегких дней.
С первым вздохом,
с первым глотком
материнского молока
эта вера со мной.

И пока
я с дорожным ветром
знаком,
и пока, не сгибаясь,

хожу
по не ставшей пухом земле,
и пока я помню о зле,
и пока с друзьями дружу,
и пока не сгорел в огне,
эта вера
будет жива.

Чтоб ее уничтожить во мне,
надо сердце убить
сперва.

Начало

«Я родился...»

Я родился —
нескладным и длинным —
в одну из влажных ночей.
Грибные июньские ливни
звенели,
как связки ключей.
Приоткрыли огромный мир они,
зайчиками прошлись по стене.

«Ребенок
удивительно смирный...» —
врач сказал обо мне.
...А соседка достала карты,
и они сообщили,
что
буду я не слишком богатым,
но очень спокойным зато.
Не пойду ни в какие бури,
неудачи
смогу обойти
и что дальних дорог

не будет
на моем пути.
Что судьбою,
мне богом данной
(на ладони вся жизнь моя!),
познакомлюсь
с бубновой дамой,
такой же смирной,
как я...

Было дождливо и рано.

Жить сто лет
кукушка звала.

Но глупые карты
врали!

А за ними соседка
врала!

Наврала она про дорогу.

Наврала она про покой...

Карты врали!..

И слава богу,
слава людям,
что я не такой!

Что по жилам бунтует сила,
недовольство собой храня.

Слава жизни!

Большое спасибо

ей

за то, что мяла меня!

Наделила мечтой богатой,

опалила ветром сквозным,
не поверила
бабым картам,
а поверила
ливням грибным.

Стихи о моем имени

Ояру Ваццетису

Мне говорят:
«Послушайте,
упрямитесь чего вам?
Пришла пора исправить ошибки отцов.
Перемените имя.
Станьте Родионом.
Или же Романом, в конце концов...»
Мне это повторяют...

А у меня на родине
в начале тридцатых
в круговерти дней
партийные родители
называли Робертами
спеленатых,
розовых,
орущих парней...
Кулацкие обрезы ухали страшно.
Кружилась над Алтаем рыжая листва...
Мне шепчут:
«Имя Роберт
пахнет иностранщиной...»
А я усмехаюсь на эти слова.

Припомнитесь, тридцатые!
Вернись, тугое эхо!
Над миром неустроенным громыхни опять.
Я скажу о Роберте,
о Роберте Эйхе!
В честь его
стоило детей называть!
Я скажу об Эйхе.
Я верю: мне знаком он —
большой,
неторопливый, как река Иртыш...
Приезжал в Косиху секретарь крайкома.
Веселый человечие.
Могучий латыш.
Он приезжал в морозы,
по-сибирски лютые,
своей несокрушимостью
недругов разя.
Не пахло иностранщиной!
Пахло
Революцией!
И были у Революции
ясные глаза...
А годы над странюю летели громадно.
На почерневших реках
дождь проступал,
как сыр...
Товарищ Революция!

Неужто ты обманута?!
Товарищ Революция,
где же твой сын?
В какую мглу запрятан?
Каким исхлестан ветром?
Железный человечище.
Солдат Октября.
Какими подлецами
растоптан,
оклеветан?..
Неужто, Революция,
жизнь его – зря?!
От боли, от обиды
напрягутся мышцы.
Но он и тогда не дрогнет,
все муки стерпя.
В своем последнем крике,
в последней самой мысли,
товарищ Революция,
он верил в тебя!..
Да будет ложь бессильной.
Да будет полной правда...
Ты слышишь, Революция,
знамен багровых
плеск?
Во имя Революции —
торжественно и прямо —
навстречу письмам
Эйхе

встает партийный съезд!
Рокочет «Интернационал»
весомо и надежно.
И вот,
проклиная жестокое вранье,
поет Роберт Эйхе —
мой незабвенный тезка!..

Спасибо вам, родители,
за имя мое...
Наверно, где-то ждет меня
мой последний
день.
Кипят снега над степью.
Зубасто встали надолбы...

Несем мы имена
удивительных людей.
Не уронить бы!
Не запятнать бы!

Сын Веры

Я —

сын Веры...

Я давно не писал тебе писем,

Вера Павловна.

Унесли меня ветры,

напевали мне ветры

то нахально,

то грозно,

то жалобно.

Я – сын Веры.

О, как помогла ты мне, мама!

Мама Вера...

Ты меня на вокзалах пустых обнимала,

мама Вера.

Я —

сын Веры.

Непутевого сына

ждала обратно

мама Вера...

И просила в письмах

писать только правду

мама Вера...

Я —

сын Веры!

Веры не в бога,

не в ангелов, не в загробные штуки!

Я —

сын веры в солнце,
которое хлещет
сквозь рваные тучи!

Я —

сын веры в труд человека.
В цветы на земле обгорелой.

Я —

сын веры!
Веры в молчанье
под пыткой!
И в песню перед расстрелом!

Я —

сын веры в земную любовь,
ослепительную, как чудо.

Я —

сын веры в Завтра —
такое, какое хочу я!
И в людей,
как дорога, широких!
Откровенных.
Стоящих...

Я —

сын Веры,
презираю хлюпиков!
Ненавижу плаксивых и стонущих!..
Я пишу тебе правду,
мама Вера.

Пишу только правду...

Дел – по горло!

Прости,

я не скоро

вернусь обратно.

«Та зима была, будто война...»

Та зима была, будто война, —
лютой.
Пробуравлена,
прокалена ветром.
Снег лежал,
навалясь на январь грудой.
И кряхтели дома под его весом.
По щербатому полу мороз крался.
Кашлял новый учитель Сергей Саныч.
Застывали чернила
у нас в классе.
И контрольный диктант
отменял завуч...
Я считал,
что не зря голосит ветер,
не случайно болит по утрам горло,
потому что остались на всем свете
лишь зима и война —
из времен года!
И хлестала пурга по земле крупно,
и дрожала река в ледяном гуле.
И продушины в окнах
цвели кругло,
будто в каждую кто-то всадил
пулю!..

И надела соседка

платок вдовый.

И стонала она допоздна-поздно...

Та зима была, будто война, —

долгой.

Вспоминаю

и даже сейчас мерзну.

Счет

Сначала
ровно тысячу дней,
потом еще четыреста дней,
а после еще
восемнадцать дней
(так подсчитано)
шла война.
Невозможно было привыкнуть к ней,
невозможно было не думать о ней.
Благословляла,
крестила, казнила
и миловала она.

И тот,
чья юность осталась в ней,
кто сегодня не может забыть о ней,
говорит о ней
и молчит о ней
в окружении внуков,
лекарств
и седин,
мечтает прожить еще тысячу дней,
потом еще четыреста дней,
потом еще восемнадцать дней.
А после —

хотя бы еще один.

Реквием

(из поэмы)

*Памяти наших отцов и старших братьев,
памяти вечно молодых солдат и офицеров
Советской Армии, павших на фронтах Великой
Отечественной войны.*

1.

Вечная
Слава
Героям!
Вечная слава!
Вечная слава!
Вечная
слава
героям!
Слава героям!
Слава!!
...Но зачем она им,
эта слава, —
мертвым?
Для чего она им,
эта слава, —

павшим?

Все живое —

спасшим.

Себя —

не спасшим.

Для чего она им,

эта слава, —

мертвым?..

Если молнии в тучах заплещутся жарко

и огромное небо

от грома оглохнет,

если крикнут

все люди земного шара, —

ни один из погибших

даже не вздрогнет.

Знаю:

солнце

в пустые глазницы не брызнет!

Знаю:

песня

тяжелых могил не откроет!

Но от имени

сердца,

от имени

жизни

повторяю:

Вечная

Слава

Героям!..

И бессмертные гимны,
прощальные гимны
над бессонной планетой
плывут величаво...

Пусть
не все герои, —
те,

кто погибли, —
павшим

Вечная слава!

Вечная слава!..

Вспомним всех поименно,
горем

вспомним

своим...

Это нужно —
не мертвым!

Это надо —
живым!

Вспомним

гордо и прямо
погибших в борьбе...

Есть

великое право:
забывать о себе!

Есть

высокое право:
пожелать и посметь!..

Стала

Вечною Славой
мгновенная
смерть!

2.

Черный камень,
черный камень,
что ж молчишь ты,
черный камень?

Разве ты хотел такого?
Разве ты мечтал когда-то
стать надгробьем
для могилы
Неизвестного солдата?

Черный камень.
Что ж молчишь ты,
черный камень?..

Мы в горах
тебя искали.

Скалы
тяжкие
дробили.

Поезда в ночах
трубили.

Мастера в ночах

не спали.
Чтобы умными руками,
чтобы
собственной кровью
превратить
обычный камень
в молчаливое
надгробье.
Разве камни
виноваты
в том,
что где-то под землю
слишком долго
спят солдаты?
Безымянные
солдаты.
Неизвестные
солдаты...
А над ними
травы сохнут.
А над ними
звезды меркнут.
А над ними
кружит беркут.
И качается подсолнух.
И стоят над ними
сосны.
И пора приходит
снегу.

И оранжевое солнце
разливается по небу.
Время
движется над ними...
Но когда-то,
но когда-то
кто-то в мире
помнил
имя
Неизвестного солдата!
Ведь еще
до самой смерти
он имел друзей немало.
Ведь еще
живет на свете
очень старенькая
мама.
А еще была
невеста.
Где она теперь —
невеста?..

Умирал солдат —
известным.
Умер —
Неизвестным.

3.

Ой, зачем ты,
солнце красное,
все уходишь —
не прощаешься?
Ой, зачем
с войны безрадостной,
сын,
не возвращаешься?
Из беды тебя я выручу,
прилечу
орлицей быстрою.
Отзовись,
моя кровиночка!
Маленький.
Единственный...

Белый свет
не мил.
Изболелась я.
Возвратись,
моя надежда!
Зернышко мое.
Зорюшка моя.
Горюшко мое, —
где ж ты?

Не могу найти дороженьки,
чтоб заплакать над могилою,
Не хочу я
ничегошеньки, —
только сына
милого.
За лесами моя ластынька!
За горами —
за громадами...
Если выплаканы глазыньки,
сердцем
плачут матери...
Белый свет
не мил.
Изболелась я.
Возвратись,
моя надежда!
Зернышко мое.
Зорюшка моя.
Горюшко мое, —
где ж ты?

4.

Это песня о солнечном свете,
это песня о солнце в груди.
Это песня о юной планете,

у которой
все впереди!
Именем солнца,
именем Родины
клятву даем.
Именем жизни
клянемся павшим героям:
то, что отцы не допели, —
мы
допоем!
То, что отцы не построили, —
мы
построим!

Устремленные к солнцу побеги,
вам
до синих высот
вырастать.
Мы —
рожденные песней победы —
начинаем жить и мечтать!
именем солнца,
именем Родины
клятву даем.
Именем жизни
клянемся павшим героям:
то, что отцы не допели, —
мы
допоем!

То, что отцы не построили, —
мы
построим!
Торопитесь,
веселые весны!
Мы погибшим на смену
пришли.
Не гордитесь,
далекие звезды, —
ожидайте
гостей с Земли!
Именем солнца,
именем Родины
клятву даем.
Именем жизни
клянемся павшим героям:
то, что отцы не допели, —
мы
допоем!
То, что отцы не построили, —
мы
построим!

5.

...Слушайте!
Это мы

говорим.
Мертвые.
Мы.
Слушайте!
Это мы
говорим.
Оттуда.
Из тьмы.
Слушайте!
Распахните глаза.

Слушайте до конца.
Это мы говорим.
Мертвые.
Стучимся
в ваши сердца.
Не пугайтесь!
Однажды мы вас потревожим во сне.
Над полями
свои голоса пронесем
в тишине.
Мы забыли,
как пахнут цветы.
Как шумят тополя.
Мы и землю забыли.
Какой она стала,
земля?
Как там птицы?
Поют на земле

без нас?
Как черешни?
Цветут на земле
без нас?
Как светлеет река?
И летят облака
над нами?
Без нас.

Мы забыли траву.
Мы забыли деревья давно.
Нам шагать по земле не дано.
Никогда не дано!
Никого не разбудит
оркестра
печальная медь...
Только самое страшное, —
даже страшнее,
чем смерть:
знать,
что птицы
поют на земле
без нас!
Что черешни
цветут на земле
без нас!
Что светлеет река.
И летят облака
над нами.

Без нас.

Продолжается жизнь.

И опять

начинается день.

Продолжается жизнь.

Приближается время дождей.

Нарастающий ветер

колышет

большие хлеба.

Это —

ваша судьба.

Это —

общая наша

судьба.

Так же птицы

поют на земле

без нас.

И черешни

цветут на земле

без нас.

И светлеет река.

И летят облака

над нами.

Без нас.

6.

Помните!
Через века,
через года, —
помните!
О тех,
кто уже не придет
никогда, —
помните!

Не плачьте!
В горле сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти
павших
будьте достойны!
Вечно
достойны!
Хлебом и песней,
мечтой и стихами,
жизнью просторной,
каждой
секундой,
каждым
дыханьем
будьте достойны!

Люди!
Покуда сердца
стучатся, —
помните!
Какою ценой
завоевано счастье, —
пожалуйста,
помните!
Песню свою
отправляя в полет, —
помните!
О тех,
кто уже никогда не споет, —
помните!

Детям своим
расскажите о них,
чтоб запомнили!
Детям
детей
расскажите о них,
чтобы тоже
запомнили!
Во все времена
бессмертной Земли
помните!
К мерцающим звездам
ведя корабли, —
о погибших

помните!

Встречайте трепетную весну,
люди Земли.

Убейте

войну,

прокляните

войну,

люди Земли!

Мечту пронесите через года
и жизнью наполните!..

Но о тех,

кто уже не придет

никогда, —

заклинаю, —

помните!

Оттепель

Отрывок из поэмы «Совесть»

...В девятьсот семнадцатом родился,
Не участвовал и не судился,
В оккупации не находился,
Не работал, не был, не умею,
Никаких знакомых не имею.
Родственников за границей нету,
Сорок три вопроса и ответа,
Сорок три вопроса и ответа —
Просто идеальная анкета.

Одного вопроса нет в анкете.
Нет того, что в сердце нам стучится,
Ханжескому пафосу противясь,
А когда ты думать разучился,
Несгибаемый, как пень, партиец?
Твердым шагом проходил в президиум,
Каялся, когда кричали: «Кайся!»
И не падал, и не спотыкался,
Потому что кто ж споткнется сидя...

Часы

– Идут часы...

– Подумаешь, —
открыть!

Исправны, значит...

Приобрел —
носи...

– Я не о том!

На улицу смотрите:

по утренней земле

идут часы!

Неслышные, торопятся минуты,

идут часы,

стучат ко мне в окно.

Идут часы,

и с ними разминуться,

не встретить их

живущим не дано...

Часы недлинной жизни человека,

увидите, —

я вас перехитрю!

Я в дом вбегу.

Я дверь закрою крепко.

Теперь стучите, —

я не отворю!..

Зароешься,
закроешься,
непустишь,
свои часы дареные испортишь,
забудешь время
и друзей забудешь,
и замолчишь,
и ни о чем не вспомнишь.
Гордясь уютной тишиной квартиры
и собственной хитростью
лучась,

скорее
двери забаррикадируй!...

Но час
придет!
Неотвратимый час.
Наступит он в любое время года
на мысли,
на ленивые мечты. Наступит час
на сердце и на горло...
И, в страхе за себя,
очнешься ты!..
И разобьет окошко
мокрый ветер.
И хлынут листья
в капелькак росы...

Услышишь:
бьют часы!
И вслед за этим
почувствуешь:
наотмашь
бьют
часы!

1960

Утро

Владимиру Соколову

Есть граница между ночью и утром,
между тьмою
и зыбким рассветом,
между призрачной тишью
и мудрым
ветром...

Вот осиновый лист трясется,
до прожилок за ночь промокнув.
Ждет,
когда появится солнце...
В доме стали заметней окна.
Спит,
раскинув улицы,
город,
все в нем —
от проводов антенных
до замков,
до афиш на стенах, —
все полно ожиданием:
скоро,
скоро!
скоро!! —

вы слышите? —

скоро

птицы грянут звонким обвалом,
растворятся,

сгинут туманы...

Темнота заползает

в подвалы,

в подворотни,

в пустые карманы,

наклоняется над часами,

смотрит выцветшими глазами

(ей уже не поможет это), —

и она говорит голосами

тех,

кто не переносит

света.

Говорит спокойно вначале,

а потом клокоча от гнева:

— Люди!

Что ж это

Ведь при мне вы

тоже кое-что

различали.

Шли,

с моею правдой не ссорясь,

хоть и медленно,

да осторожно...

Я темней становилась нарочно,

чтобы вас не мучила совесть,

чтобы вы не видели грязи,
чтобы вы себя
не корили...
Разве было плохо вам?
Разве
вы об этом тогда
говорили?
Разве вы тогда понимали
в беспокойных красках рассвета?
Вы за солнце
луну принимали.
Разве я
виновата в этом?
Ночь, молчи!
Все равно не перекричать
разрастающейся в полнеба зари.
Замолчи!
Будет утро тебе отвечать.
Будет утро с тобой говорить.

Ты себя оставь
для своих льстецов,
а с такими советами к нам
не лезь —
человек погибает в конце концов,
если он скрывает
свою болезнь.
...Мы хотим оглядеться
и вспомнить теперь

тех,
кто песен своих не допел до утра...
Говоришь,
что грязь не видна при тебе?
Мы хотим ее видеть!
Ты слышишь?
Пора
знать,
в каких притаилась она углах,
в искаженные лица врагов взглянуть,
чтобы руки скрутить им!
Чтоб шеи свернуть!

...Зазвенели будильники на столах.
А за ними
нехотя, как всегда,
коридор наполняется скрипом дверей,
в трубах
с клекотом гулким проснулась вода.
С добрым утром!
Ты спишь еще?
Встань скорей!
Ты сегодня веселое платье надень.
Встань!
Я птицам петь для тебя велю,
Начинается день.
Начинается
день!
Я люблю это время.

Я

жизнь люблю!

Творчество

Э. Неизвестному

Как оживает камень?
Он сначала
не хочет верить
в правоту резца...
Но постепенно
из сплошного чада плывет лицо.
Верней —
подобие лица.
Оно ничье.
Оно еще безгласно.
Оно еще почти не наяву.
Оно еще
безропотно согласно
принадлежать любому существу.
Ребенку,
женщине,
герою,
старцу...
Так оживает камень.
Он —
в пути.
Лишь одного не хочет он:
остаться

таким, как был.

И дальше не идти...

Но вот уже

с мгновением великим
решимость Человека сплетена.

Но вот уже

грудным, просящим криком

вся мастерская

до краев полна:

«Скорей!

Скорей, художник!

Что ж ты медлишь?

Ты не имеешь права

не спешить!

Ты дашь мне жизнь!

Ты должен.

Ты сумеешь.

Я жить хочу!

Я начинаю

жить.

Поверь в меня светло и одержимо.

Узнай!

Как почку майскую, раскрой.

Узнай меня!

Чтоб по гранитным жилам

пошла

толчками

каменная кровь.

Поверь в меня!..

Высокая,
живая,
по скошенной щеке
течет слеза...
Смотри!
Скорей смотри!
Я открываю
печальные
гранитные глаза.
Смотри:
я жду взаправдашнего ветра.
В меня уже вошла
твоя весна!..»
А человек,
который создал
это,
стоит и курит около окна.

1961

Да, мальчики!

Мы – виноваты.
Виноваты очень:
Не мы
с десантом
падали во мглу.
И в ту —
войной затоптанную —
осень
мы были не на фронте,
а в тылу.
На стук ночной
не вздрагивали боязно.
Не видели
ни плена,
ни тюрьмы!
Мы виноваты,
что родились поздно.
Прощенья просим:
виноваты мы.
Но вот уже
и наши судьбы
начаты.
Шаг первый сделан —
сказаны слова.
Мы начаты —

то накрепко,
то начерно.
Как песни,
как апрельская трава...
Мы входим в жизнь.
Мы презираем блеянье.
И вдруг я слышу разговор о том,
что вот, мол, подрастает поколение.
Некстати... непонятное...
Не то...
И некто —
суетливо и запальчиво, —
непостижимо злобой
увлечен,
уже кричит,
в лицо нам
тыча пальцем:
«Нет, мальчики!»
Позвольте,
он — о чем?
О чем?
Нам снисхождения не надо!
О чем?
И я оглядываю их:
строителей,
поэтов,
космонавтов —
великолепных мальчиков моих.
Не нам брюзжать,

Не нам копить обиды:

И все ж таки

во имя

всей земли:

«Да, мальчики!»

Которые с орбиты

космической

в герои

снизошли!

Да, мальчики,

веселые искатели,

отбившиеся

от холодных рук:

Я говорю об этом

не напрасно

и повторять готов

на все лады:

Да, мальчики в сухих морозах Братска!

Да, мальчики, в совхозах Кулунды!

Да,

дерзновенно

умные

очкарики —

грядущее

неслыханных наук!

Да, мальчики,

в учениях тяжелых,

окованные

строгостью

брони.

Пижоны?

Ладно.

Дело

не в пижонах.

И наше поколение —

не они.

Пусть голоса

о непослушных детях

в клубящемся

искусственном дыму

лихие спекулянты

на идеях,

не научившиеся

ничему.

А нам смешны

пророки

неуклюжие.

Ведь им ответить сможем мы сполна.

В любом из нас клокочет революция

Единственная.

Верная.

Одна.

Да, мальчики!

Со мною рядом встаньте

над немощью

придуманной

возни.

Да, мальчики!

Работайте, мечтайте.
И ошибайтесь, —
Дьявол вас возьми!
Да, мальчики,
выходим в путь негладкий!
Боритесь
с ложью!
Стойте на своем!
Ведь вы не ошибетесь
в самом главном.
В том флаге, под которым мы живем!

1963

История

История!

Пусть я —

наивный мальчик.

Я верил слишком долго,

слишком искренне,

что ты —

точнее

всяких математик,

бесспорней

самой тривиальной

истины...

Но что поделать, —

мальчики стареют.

Твои ветра

по лицам их секут...

Секунды предъявляют счет столетьям!

Я говорю от имени

секунд...

История —

прекрасная, как зарево!

История —

проклятая, как нищенство!

Людей преображающая заново

и отступающая
перед низостью.
История —
прямая и нелепая!
Как часто называлась ты —
припомни! —
плохой,
когда была
великолепною!
Хорошей —
хоть была
постыдно
подлой!
Как ты зависела
от вкусов мелочных.
От суеты.
От тупости души.
Как ты боялась властелинов,
мерящих
тебя на свой
придуманный аршин!

Тобой клянясь,
народы одурманивали.
Тобою прикрываясь,
земли
грабили!
Тебя подпудривали.
И подрумянивали.

И перекрашивали!
И перекраивали!
Ты наполнялась
криками истошными
и в великаны
возводила
хилых...

История!
Веселая
история!
Послушай!
Ты ж не просто
пыль архивов!
История!..
Сожми сухие пальцы.
Живое сердце
людям отвори.
Смотри,
как по-хозяйски
просыпаются
бессмертные создатели твои!
Они проглатывают
немудреный завтрак.
Торопятся.
Целуют жен своих.
Они
уходят!
И зеленый запах

взволнованно окутывает их.

Им солнце бьет в глаза.

Гудки

аукают.

Плывет из труб

невозмутимый дым...

Ты станешь

самой точною

наукою!

Ты станешь.

Ты должна.

Мы

так

хотим.

1963

Стихи о Хане Батые

А. Ковалеву

А все-таки ошибся старикан!
Не рассчитал всего впервые в жизни.
Великий хан.
Победоносный хан.
Такой мудрец и – надо же! —
ошибся.

Текла, ревя и радуясь, орда.
Ее от крови било и качало.
Разбросанно горели города,
и не хватало стрел в больших колчанах.
Белели трупы
недругов босых.
Распахивал огонь любые двери!
Дразнил мороз.
Смешил чужой язык.
И сабли от работы не ржавели.
И пахло дымом, потом и навозом...

Все, что еще могло гореть, спалив,
к тяжелым пропылившимся повозкам
пришельцы гнали
пленников своих.

Они добычею в пути менялись.
И, сутолоку в лагерь принося,
всех ставили к колесам.
И смеялись:
«Смерть!» —
если ты был выше колеса.
У воина рука не задрожит.
Великий хан все обусловил четко.
Везло лишь детям.
Оставались жить
славянские мальчишки и девчонки.
Возвышенные, как на образах,
что происходит —
понимали слабо...

Но ненависть в заплаканных глазах
уже тогда —
не детская —
пылала!
Они молчали. Ветер утихал.
Звенел над головами рыжий полдень...
И все-таки ошибся
мудрый хан!
Ошибся хан и ничего не понял!..

Они еще построятся в полки.
Уже грядет, уже маячит битва!..

Колеса были слишком высоки.

А дети подрастают
очень быстро.

1964

Винтики

Время
в символах разобраться!
Люди – винтики.
Люди – винтики...
Сам я винтиком был.
Старался!
Был безропотным.
Еле видимым.
Мне всю жизнь
за это расплачиваться!
Мне себя, как пружину,
раскручивать!
Верить веку.
И с вами
раскланиваться,
Люди-винтики,
Люди-шурупчики.
Предначертаны
ваши шляхи,
назначение каждому
выдано.
И не шляпы на вас,
а шляпки.
Шляпки винтиков,
Шляпки

винтиков!

Вы изнашивайтесь,

вы ржавейте,

исполняйте

все, что вам задано.

И в свою исключительность

верьте!

Впрочем,

это не обязательно.

Все равно обломают отчаянных!

Все равно вы должны остаться

там, где ввинтят, —

в примусе,

в часаках,

в кране,

в крышке от унитаза.

Установлено так,

Положено.

И —

не будем на эту тему...

Славься,

винтичная психология!

Царствуй, лозунг:

«Не наше дело!»

Пусть звучит он

как откровение!

Пусть дороги

зовут напрасно!..

Я

не верю, —
хоть жгите, —
не верю
в бессловесный
винтичный разум!
Я смирению
не завидую,
но, эпоху
понять пытаюсь, —
я не верю,
что это винтики
с грозным космосом
побратались.
Что они
седеют над формулами
и детей пеленают бережно.
Перед чуткими
микрофонами
говорят с планетою бешеной.
И машины ведут удивительные.
И влюбляются безутешно...
Я не верю,
что это винтики
на плечах
нашу землю держат!..
Посредине двадцатого века
облетают
ржавые символы...

Будьте счастливы,
Человеки!

Люди
умные.

Люди
сильные.

Нелетная погода

Нет погоды над Диксоном.
Есть метель.
Ветер есть.
И снег.
А погоды нет.
Нет погоды над Диксоном третий день.
Третий день подряд
мы встречаем рассвет
не в полете,
который нам по душе,
не у солнца,
слепящего яростно,
а в гостинице.
На втором этаже.
Надоевшей.
Осточертевшей уже.
Там, где койки стоят в два яруса.
Там, где тихий бортштурман Леша
снисходительно,
полулежа,
на гитаре играет,
глядя в окно,
вальс задумчивый
«Домино».
Там, где бродят летчики по этажу,

там, где я тебе это письмо пишу,
там, где без рассуждений
почти с утра, —
за три дня,
наверно, в десятый раз, —
начинается «северная» игра —
преферанс.
Там, где дни друг на друга похожи,
там, где нам
ни о чем не спорится...
Ждем погоды мы.
Ждем в прихожей
Северного полюса.
Третий день
погоды над Диксоном нет.
Третий день.

А кажется:
двадцать лет!
Будто нам эта жизнь двадцать лет под стать,
двадцать лет, как забыли мы слово:
летать!
И обидно.
И некого вроде винить.
Телефон в коридоре опять звонит.
Вновь синоптики,
самым святым клянясь,
обещают на завтра
вылет

для нас.

И опять, как в насмешку,
приходит с утра
завтра,
слишком похожее
на вчера.

Улететь —
дело очень нелегкое,
потому что погода —
нелетная.

...Самолеты охране поручены.
Самолеты к земле прикручены,
будто очень опасные
звери они, будто вышли уже
из доверья они,
Будто могут
плюнуть они на людей —
на пилотов,
механиков
и радистов.
И туда, где солнце.
Сквозь тучи.

Над Диксоном
третий день погоды нет.
Третий день.
Рисковать приказами запрещено.

Тихий штурман Леша
глядит в окно.

Тихий штурман
наигрывает «Домино».

Улететь нельзя все равно
ни намеренно,
ни случайно,
ни начальникам,
ни отчаянным —
никому.

На дрейфующем проспекте ты живешь...

Мне гидролог говорит:

– Смотри!

Глубина

сто девяносто три! —

Ох, и надоела мне одна
не меняющаяся глубина!..

В этом деле я не новичок,
но волнение мое пойми —
надо двигаться вперед,
а мы
крутимся на месте,
как волчок.

Две недели,

с самых холодов

путь такой —

ни сердцу, ни уму...

Кто заведует движеньем льдов?

Все остановил он

почему?

Может, по ошибке,

не со зла?

Может, мысль к нему в башку пришла

что, мол, при дальнейшем продвижении
расползется все сооружение?

С выводом он явно поспешил —

восхитился нами

и решил

пожалеть,

отправить на покой.

Не желаю

жалости такой!

Не желаю,

обретя уют,

слушать,

как о нас передают:

«Люди вдохновенного труда!»

Понимаешь, мне обидно все ж...

Я гидрологу сказал тогда:

— На Дрейфующем проспекте

ты живешь.

Ты же знал,

что дрейф не будет плавным,

знал,

что дело тут дойдет до драки,

потому что

в человечьи планы

вносит Арктика

свои поправки,

то смиряясь,

то вдруг сатанея

так,
что не подымешь головы...
Ты же сам учил меня, что с нею
надо разговаривать
на «вы».

Арктика пронизывает шубы
яростным дыханием морозов.
Арктика показывает зубы
ветром исковерканных
торосов.

Может, ей,
старухе,
и охота
насовсем с людьми переругаться,
сделать так,
чтоб наши пароходы
никогда не знали
навигаций,
чтобы самолеты не летали,
чтоб о полюсе мы не мечтали,
сжатые рукою ледяною...

Снова стать
неведомой страной,
сделать так,
чтоб мы ее боялись.

Слишком велика
людская ярость!
Слишком многих

мы недосчитались!

Слишком многие
лежать остались,
за победу
заплатив собою...

В эти разметнувшиеся шири
слишком много мы
труда вложили,
чтоб отдать все то,
что взято с бою!

Невозможно изменить законы,
к прошлому вернуться
хоть на месяц.

Ну, а то, что кружимся на месте,
так ведь это, может,
для разгона...

Мираж

Дежурный закричал:
– Скорей сюда!
Мираж!
смотрите!
Все сюда!
Скорей!.. —
И резко отодвинута еда.
И мы вываливаемся из дверей.

Я ждал всего.
Я был готов к любому:
к цветам и пальмам
в несколько рядов,
к журчащему прибою голубому,
к воздушным башням
древних городов.
Ведь я читал,
как над песком
бесстыдно
вставали
эти памятники лжи.
Ведь я читал,
как жителей пустыни
с дороги уводили
миражи...

Ведь я читал,
ведь я об этом знаю:
слепящим днем,
как в полной темноте,
шагали
люди,
солнце проклиная,
брели
к несуществующей воде.
Но здесь...
— Да где мираж?!
— А очень просто.
Туда смотри!..

Я замер,
поражен:
на горизонте
плавали
торосы
вторым,
не очень ясным этажом.
Они переливались
и дрожали...
Я был готов к любому.
Ждал всего...
Но Арктика!
Ты даже
миражами
обманывать

не хочешь никого.

Последняя песня

*Смертью, которой грозят нам враги, обретем
мы бессмертье...*

Муса Джалиль

До рассвета семьдесят восемь минут.
На рассвете
ключ заскрипит в замке,
На рассвете в камеру люди войдут
и пролают приказ на чужом языке.
А потом будет десять визжащих дверей,
коридорный сквозняк,
молчаливый конвой.
Будет яма на тесном тюремном дворе
и тяжелое небо
над головой.
Автоматчики тупо шеренгу сомкнут.

До рассвета семьдесят восемь минут.
И сейчас,
на распухшие пальцы дыша,
задыхаясь,
спеша,
обгоняя рассвет,
пишет песню,
последнюю песню,

поэт
чуть заметным обломком карандаша.
Пусть от долгих допросов гудит голова,
пусть больная рука тяжелее свинца...
Но приходят
единственные слова,
как приказ,
как присяга,
как клятва бойца.
Пишет,
пишет поэт...

И кончается ночь.
За стеною глухая команда слышна...
Даже фронт наступающий,
даже страна
не успеют,
не смогут,
не в силах помочь!

Я хочу,
чтоб ко мне его твердость пришла,
чтоб не смел ни минуты растрачивать я,
чтобы каждая песня
такою была,
будто это
последняя песня моя,
будто брезжит уже за окошком рассвет,
а враги ненавидят меня и клянут,

будто жить мне осталось
не семьдесят лет,
а семьдесят восемь
минут.

«Приходит врач, на воробья похожий...»

Приходит врач, на воробья похожий,
и прыгает смешно перед постелью.

И клювиком выстукивает грудь.

И маленькими крылышками машет.

– Ну, как дела? —

чирикает привычно. —

Есть жалобы?... —

Я отвечаю:

– Есть.

Есть жалобы.

Есть очень много жалоб...

Вот, – говорю, —

не прыгал с парашютом...

Вот, – говорю, —

на лошади не ездил...

По проволоке в цирке не ходил...

Он морщится:

– Да бросьте вы!

Не надо!

Ведь я серьезно...

– Я серьезно тоже.

Послушайте, великолепный доктор:
когда-то в Омске
у большой реки
мальчишка жил,
затравленный войною...
Он так мечтал о небе —
синем-синем!
О невозможно белом парашюте,
качающемся
в теплой тишине...
Еще мечтал он
о ночных погонях!
О странном,
древнем ощущение скачки,
когда подпрыгивает сердце к горлу
и ноги прирастают к стремянам!..
Он цирк любил.
И в нем —
не акробатов,
не клоунов,
не львов, больших и грустных,
а девочку,
шагающую мягко
по воздуху,
спрессованному в нить.
О, как он после представлений клялся:
«Я научусь!
И я пойду за нею!..»
Вы скажете:

– Но это все наивно... —

Да-да, конечно.

Это все наивно.

Мы —

взрослые —

мечтаем по-другому

и о другом...

Мечта приходит к нам

еще неосознанной,

неясной,

невидимой,

неназванной, как правнук.

И остается в нас до исполнения.

Или до смерти.

Это все равно.

Мы без мечты немислимы.

Бессильны.

Но если исполняется она,

за ней — как ослепление —

другая!..

Исполнилось лишь самое начало.

Любовь исполнилась

и крик ребенка.

Исполнились друзья,

дороги,

дали.

Не все дороги

и не все друзья, —

я это понимаю!..

Только где-то
живут мечты —
наивные, смешные, —
с которых мы и начали мечтать.
Они нам в спины смотрят долго-долго —
вдруг обернемся
и «спасибо!» скажем.
Рукой взмахнем:
– Счастливо!..
Оставайтесь...
Простите за измену.
Мы спешим... —
Но может, это даже не измена?!

...А доктор
собирает чемоданчик.
Молчит и улыбается по-птичьи.
Уходит.
И уже у самой двери
он тихо говорит:
– А я мечтал...
давно когда-то...
вырастить
овчарку...
А после
подарить погранзаставе...
И не успел... —
Действительно, смешно.

Поэма о разных точках зрения

1. Сон

Я по улице иду —
удручен.
В магазинах
нет вопроса:
«Почем?»
На вокзалах нет вопроса:
«Куда
по планете разбрелись поезда?..»
Этот сон
приснился в пятницу мне
(может, он —
к деньгам,
а может —
к войне).
Я попал на заседание вдруг
Академии
Серьезных
Наук...
Академики —
дотошный народ
(сорок лысин,

восемнадцать бород) —
при параде,
при больших орденах
обсуждают
вопросительный знак.
Рассуждают о загадках его...
Говорят, что он немножко
того...
Не умеет
эпохально звенеть...
Заставляет временами
краснеть...
Не зовет,
не помогает в борьбе...
«Задается» —
значит, мнит о себе...
Если даже и ведет
иногда,
то заводит
неизвестно куда...
Решено:
недопустим компромисс!
Решено, что этот знак —
пессимист.
И записано,
что он отменен,
так как
«нет уже потребности
в нем»...

«Восклицательным знакам —
почет!!»

(Вопросительные —
взять на учет.

Разрешить для них
журчание
вслух

при наличии
особых
заслуг...)

Телефон «09»
вправе молчать.
(Если нет вопросов —
что отвечать?)
Нет вопросов,
и не слышно гудка...

«Мосгорсправка»
растерялась слегка.
Но потом она опомнилась
и

заклеймила
заблуждения свои...

Только сложности возникли опять:

«Как
с вопросами детей
поступать?..»

Просит ректор МГУ разъяснить:
«Что с экзаменами?»

Чем заменить?..»

Все супруги
соблюдают престиж.
Ведь не спросишь:
«Почему ты грустишь?..»
И не скажешь:
«Ты сегодня бледна...
Что с тобою?
Может, помощь нужна?..»

Нет возможности
задачник добыть...
Не вздыхает Гамлет:
«Быть
иль не быть?..»
Нет задумавшихся.
Быт
упрощен.
В магазинах нет вопроса:
«Почем?»
На вокзалах нет вопроса:
«Куда
непонятные
ушли поезда?..»
Нет кроссвордов.
КВН не бурлит.
И не спрашивает врач:
«Что болит?..»

Лишь в кошмарных
появляется снах
отмененный
вопросительный знак.

...А природе
не впервой отставать.
А природе на запреты
плевать!
Вопросительно
глядит сова.
Вопросительно
шуршит трава.
Вопросительна пчела в цветах.
Вопросительны краны в портах.
Вопросительно закручен
ус.
Вопросительно свернулся
уж...
Если даже у змеи
вопрос,
что же делать тем, кто —
в полный
рост?!

2. Несколько слов от автора

Ну, ладно, —
мы
рождаемся.
Переживаем.
Старимся.
Увидимся —
расстанемся.
Зачем?

Грядущие
и прошлые.
Громадины.
Горошины.
Плохие
и хорошие.
Зачем?
Для дела
и для понта.
Запой и работа.
Крестины и аборты.
Зачем?

В дакронах и сатинах.
В рабах и господинах.
В театрах и сортирах.
Зачем?

Подонки и матроны.
На ринге

и на троне.
На вахте
и на стреме.
Зачем?

Над щами.
Над миногами.
С авоськами.
С моноклями.
Счастливые.
Минорные.
Зачем?

Трибунные гориллы,
базары
и корриды,
горланите?
Горите?
Зачем?

Случайно
иль нарочно?
Для дяди?
Для народа?
Для продолженья
рода?
Зачем?

3. Экскурс

Скорбел летописец:

«Славяне,
запутавшись намертво
в ссорах и дрязгах,
пришли до варягов...

Сказали:

– Земля наша
сильно лесами обширна,
ручьями обильна,
и только обидно,
что нет в ней порядка,
и люди устали бессмысленно мучиться,
жить
не по правде.

Придите
и правьте!...»

Я тихо краснею
за это решение собственных предков,
суровых и бранных.

Не знаю,
чего они этим добились
и что потеряли,
но я повторяю:
– Земля наша

сильно лесами обширна,
лугами удачна,
ручьями обильна.
И только обидно,
что нет на земле
(как бы это сказать,
чтоб звучало толково?), —
чего-то
такого...
То сеем не там.
И не то.
И не так, чтобы – к сроку.
Морока!
То вдруг
наводнение стрясется,
набухнет,
нагрянет внезапно,
то – засуха!
Мы вроде и эдак,
и так,
и обратно,
и снова,
да только —
без особого толку.
Как будто мы
чем-то обидели землю,
и жить ей от этого тошно, —
и точка!..
Эгей,

супермены!

Советчики!

Форды!

Проныры!

Варяги!

Валяйте!!

А ну,

налетай,

джентльмены удачи!

Любители легкой наживы!

Спешите!

Откройте, что сами мы,

в общем,

старались напрасно

(быдло,

низшая раса).

И сделайте, чтоб от жратвы

прогибались прилавки

в сверканье и лаке!..

Чтоб даже в райцентрах любых

ни на миг не потухла

ночная житуха!..

А мы вам за это

подарим

цветастых матрешек,

протяжную песню про Волгу

и водку.

Икрою покормим,

станцуем впрыскалочку,
склоним главу.

Варяги,
ау-у-у!

Придите и правьте.

Мы очень понятливы.

Необычайно проворны...

...До —

вошь —

но!!

К чертям!

Супермены,

советчики,

херсты,

рвачи

и так далее, —

видали!

Шеренги

заезжих высочеств,

проезжих величеств, —

валитесь!

...Земля наша

сильно людьми знаменита,

в которых —

надежда.

В которых —

спасенье...

Люби

эту землю.

4. Разговор со случайным знакомым

– Смотри, как дышит эта ночь.

Звезда, уставшая светить,

упала,

обожгла плечо...

– Чо?

– Смотри, как вкрадчивый туман

прижался

к молодой воде...

– Где?

– Он полностью поклялся ей,

он взял в свидетели луну!..

– Ну?!

– Они сейчас уйдут в песок,

туда, где не видать ни зги...

– Гы!..

– И, ощутив побег реки,

в беспамятстве забьется ерш!..

– Врешь!..

– Да нет, я говорю тебе,

что столько тайн хранит земля,

березы, ивы и ольха...

– Ха!..

– А сколько музыки в степях,

в предутреннем дрожанье рос...

– Брось!
– Да погоди!
Почувствуй ночь,
крадущийся полет совы,
сопенье
медленных лосих...
– Псих!
– Послушай,
разве можно так:
прожить —
и не узнать весны,
прожить —
и не понять снега...
– Ага!

5. Хор со стороны

А куда нам —
мыслить?
А чего нам —
мыслить?
Это ж —
самому себе
веревочку мылить!
Мы же – непонятливые.
Мы же – недостойные.
До поры до времени

взираем из тьмы...

Кто у нас
на должности
хозяев истории?
А ведь ее хозяйева —
извините! —
мы!

Мы —
и не пытавшиеся.
Мы —
и не пытающиеся.
Млекопитающие
и млеконапитавшиеся.
Рядовые.
Жвачные.
Мягкие.
Овальные.
Лица,
не охваченные
проф —
образованием.
Скромные.
Ленивые.
Не хитрецы,
не боги.
Мы —
обыкновенные,

как время само, —
люди-агрегаты
по переработке
всевозможно-всяческой
пищи
на дерьмо!
Нет войны — мы живы.
Есть война — мы живы.
Пусть вокруг
оракулы каркают!..
Вы думаете:
это
работают
машины?!
А это
наши челюсти вкалывают!!
Играйте в ваши выборы,
правительства
и партии!
Бунтуйте,
занимайтесь
стихами и ворьем.
Старайтесь,
идиотики!
На амбразуры падайте!
Выдумывайте,
пробуйте!
А мы пока
пожрем...

Орите!

Надрывайтесь!

Мы

посидим в сторонке.

В тени своих коттеджей,
избушек и юрт...

Вы думаете:

это

грохочут

новостройки?!

А это

наши челюсти жуют!!

Шагайте в диалектику,
закапывайтесь в мистике,
пускай кричит философ,
догадкой озарен...

Леди и товарищи,
граждане и мистеры,
стройте

ваше

будущее!

Мы и его сожрем...

Подползем,

навалимся неотвратимым весом
и запросто докажем,
как был задуман
мир...

Выставкам и выдумкам,
опусам и эпосам,

физикам и лирикам, —
привет!
Аминь.

Глыбы коллектива,
в завтрашнем раю
вам
не подфартило, —
общее «адью!».
На планете вместо
светочей ума
встанут
Эвересты
нашего дерьма!
Брызнут фейерверком
желтые
дымы...
Разжиревшим веком
будем
править
мы!
Мы! —
и не пытавшиеся.
Мы —
и не пытающиеся.
Мы —
млекопитающие.
И млеконапитавшиеся.

6. Снова несколько слов от автора

По стебелечку
вверх и вверх
ползет
травяная вошь...
Зачем живешь,
человек, —
если так
живешь?..

Представь,
что атомный кошмар
двоится и дрожит.
Земля пуста,
как твой карман.
А ты,
допустим,
жив.
Удачлив,
будто царь царей.
Как финн, невозмутим.
Ты выжил.
Вышел.
Уцелел.
На всей Земле —
один.

Один среди песков и льдин, —
куда б ни заходил:
идешь —
один.
Заснешь —
один.
Печалишься —
один.
На этой лучшей из планет,
разорванной, как нерв,
законов —
нет,
знакомых —
нет,
и незнакомых —
нет.
Нет на Земле
на все края,
на длинные года
ни захудалого кота,
ни пса,
ни воробья.
Все выметено.
Все мертво.
От сквозняков
храпя,
пустые станции метро
ждут
одного тебя.

И этот мир не обратим,
ником не обратим.

Поёшь —

один.

Идешь —

один.

И видишь сны —

один.

Ты сам —

на шесть материков, —

в дожди,

в жару,

в снега, —

на все моря без берегов,

на пароходы без гудков,

на телефоны без звонков.

(И даже нет

врага.)

Ты сам —

на двадцать первый

век...

«Не надо!!

Чур-чура!!»

Зачем кричишь ты,

человек?

Ведь ты молчал

вчера.

7. Пример для подражания

Мы тоже
для кого-то
были будущими.
Грядущими.
Идущими на смену.
Решительной эпохою
разбуженные
для славы и любви.
Для слез и смеха...

Мы тоже
будем прошлыми.
Давнишними.
Несбыточными,
как ушедший поезд.
Подернутыми дымкой.
В меру —
книжными.
И с этим,
к сожаленью, —
не поспоришь...

Хочу понять
без позы и без паники,
случайности

не называя глупыми, —
как после смерти
рядовые бабники
становятся
«большими жизнелюбами»!
Послушайте!
С ума сошли вы,
что ли?!
«Биограф»
усмехается нелепо
и говорит,
задерживая шторы:
— А это проще
всем известной репы.
Кричать и волноваться нет резона...
Политикою
высшею
ужалены,
мы,
если хочешь,
из твоей персоны
сообразим
«пример для подражания»...
Итак, начнем:
ты был
хорошим сыном.
Зачитывался книжками о войнах.
Завидовал решительным и сильным.
Любил кино,

повидлю

и животных...

– Но это все вранье?!

– Поди доказывай...

– Я жил!

Я сомневался!..

– Это – лишнее...

Во имя воссоздания

нужной

личности,

тебе сомненья

противопоказаны!

Чтоб от событий в жизни было тесно,

нужны иные

меры и масштабы.

Ты даже не почувствуешь,

как станут

заклятые враги —

друзьями детства...

Твой фотоснимок

мы подретушируем.

В усталые глаза

добавим бодрости.

Чуть-чуть подтянем губы

(так – решительней).

Исправим лоб

(он был

не в той пропорции)...

Итак,

ты жил.

Ты презирал богатство.

Читал газеты,

плача и ликуя...

Твоя жена

(приходится вторгаться) —

немножечко не та...

Найдем другую...

— Зачем другая

мертвому?!

— Все правильно...

— Я протестую!

Слышите?!

— Помалкивай!

И кстати, знай:

для живости характера

ты увлекался

теннисом и марками...

— При чем тут теннис?!

— Объясняем вкратце:

считай его

побочным сверхзаданием.

Сейчас проходят игры.
Кубок Наций.
А мы пока что
в теннисе
не тянем...
Теперь ты чист
идейно
и морально.
Переосмыслен.
Виден издалёка...
Был худосочным?
Стал
почти Гераклом.
Злопамятным?
А стал
милей теленка...

Теперь ты
на трибунах и эстрадах!
теперь ты —
как Аллах
для правоверных.
Теперь твои портреты
на тетрадах,
на клюкве в сахаре
и на конвертах!
Ты —
идол.
Ты —

безумие повальное!..
Твой бюст переходящий
заслужила
во всепланетном
гранд-соревновании
седьмая
пионерская
дружина!..
Твои черты становятся разбухшими.
Возрадуйся,
что ходишь в призовых!..
...А знаете,
мы тоже
были будущими.
Не надо нас придумывать.
Живых.

8. Городской романс

Я – как город.
Огромный город.
Может,
ближний.
А может,
дальний...
Города
на приезжий гомон

поворачиваются площадями.

Поворачиваются,

охмуряют

главной улицей,

главной набережной.

Речкой —

будто хвостом —

виляют.

Рассыпаются

в речи набожной.

В них тепло,

торжественно,

солнечно!

Есть

Центральный проспект,

а поблизости:

Площадь Юмора,

Площадь Совесть.

Дом Спокойствия,

Дом Справедливости...

А дома —

просторны,

дома —

легки.

Все продумано.

Целенаправленно...

Я — как город.

Но есть в городах
тупики.

Прокопченные
есть
окраины.

Там на всех углах
темнота хрипит.

Там плакатами
дыры
заделаны.

Равнодушный тупик.

Уставший тупик.

Дом Бездельничанья.

Дом Безденежья...

Никого

нет на этих улочках.

Страшновато с ними знакомиться:

тупики не тупые —
умничают.

Тупики не тупые —
колются.

А дворы
заборами скручены.

Дождь лоснится
на кучах мусора...

Знаю, что идет реконструкция.

Жаль,

что медленно.

Жаль,

что муторно...
Ты до площади
успей – добеги!
Осторожнее
разберись в душе.
Не ходи в тупики!
Забудь тупики!
Я и сам бы забыл,
да поздно уже!..
Вот опять слова
немотой светло.
Невесомы они
донельзя...

Я – как город.
Тебе в нем
всегда светло.
Как на выезде из тоннеля.

9. Еще несколько слов от автора

Что ж,
пока туристы
и ученые
не нашли Земли Обетованной, —
надо жить
на этой самой,

чертовой,
ласковой,
распаханной,
кровавой.

Надо верить
в судьбы и традиции.

Только пусть
во сне и наяву
жжет меня,
казнит меня
единственно

правильный вопрос:

«Зачем
живу?»

Пусть он возвышается,
как стража
на порогах будущей строки.

Пусть глядит безжалостно.

Бесстрашно.

Пусть кричит!

Хватает за грудки!

Пусть он никогда
во тьму
не канет.

Пусть он не отходит
ни на шаг.

Пусть он, как проклятье,
возникает
в стыдно пламенеющих

ушах!

Пусть он разбухает,
воспаляясь,
в путанице
неотложных дел.

Пусть я от него
нигде не спрячусь,
даже если б
очень захотел!

Пусть я камнем стану.
Онемею.

Зашатаюсь.

Боль превозмогу.

Захочу предать —
и не сумею.

Захочу солгать —
и не смогу.

Буду слышать
в бормотанье ветра,
в скрипе половиц,
в молчанье звезд,
в шелесте газет,
в дыханье века
правильный вопрос:
«Зачем
живешь?»

10. Ах, дети...

Всегда был этот жребий обманчив...

Гоняет кошек будущий лирик.

Час пробил!

И решается мальчик

поэзию

собой осчастливить.

Решает вдохновенно и срочно

засесть

за стихотворную повесть...

Пока не написал он ни строчки,

я говорю:

– Хороший, опомнись!..

Литература – штука такая:

ее

который век поднимают.

В литературе все понимают —

хоть сто прудов

пруды знатоками!..

Живем,

с редакторами торгуясь,

читательским речам не переча.

Как молвит парикмахер Маргулис:

«Причесанным —

немножко полегче...»

А мальчики

не знают про это!

И главное – узнают не скоро...

Ах, дети,

не ходите в поэты.

Ходите лучше в гости и в школу...

Как в очереди:

первый...

последний...

Как в хоре:

басовитый,

писклявый...

Шагаем, спотыкаясь о сплетни,

в свои дома,

где стены – стеклянные...

Зеленым пробавляемся зельем.

Скандалы называем везеньем.

Уже умеем пить —

как Есенин.

Еще б теперь писать —

Как Есенин...

А мальчики не знают про это!

А мальчики придумали скверно...

Ах, дети,

не ходите в поэты.

Ходите лучше в парки и скверы...

Я б эту землю милую проклял!

Повесился бы,

честное слово!..

Но светится,
дрожа над порогом,
улыбка Михаила Светлова.

В любом из нас
ее повторенье.

В любом из нас бормочет и стонет
наивное,
высокое время,
где стоит жить!
И рыпаться стоит!..

Был мальчик либо ябедой, либо
родителей
не слушался мальчик...

Ах, дети, не играйте в верлибры.
Играйте лучше в куклы и в мячик.

11. И опять несколько слов от автора

Но, с грядущими дыша заодно,
я зверею
от сусальных картин.
Будет так, как будет.
Так,
как должно.
Так,

как сделаем.
И как захотим.
Мне занятно думать,
что когда-нибудь,
поразмыслив
над бумагой немой,
наш невиданный,
неслыханный путь
обозначат
восходящей
прямой!

12. Постскрипtum

Будут тигры —
в клеточку,
а слоны —
в полоску.
И любому
ленточку
подберут по росту...
Сом заплодирует
снегозадержанью.
Осам
опротивеет
незнакомых жалить!..
И – совсем не рады

бою
барабанному —
станут
генералы
в цирках подрабатывать...
Захмелев от счастья,
позабыв
тоску,
будет плавать
частик
в собственном
соку...

В переливах вальса, —
в ГУМе
и в высотном, —
будет продаваться
развесное солнце.
Жаркое,
весеннее!
Много!
Честь по чести...

Так что краска
серая
навсегда исчезнет.
(Даже мыши
серые
синими

покажутся.

И начнут рассеянно

с кошками

прохаживаться...)

Будет каждый

занят

делом

ненамеченным.

Плюшевые зайцы

будут есть

мороженое.

Дождь, —

не затихая

час,

а может, два, —

будет лить

духами

«Красная Москва».

И над магазинами

все прочтут легко:

«Пейте

стрекозиное

мо —

ло —

ко!...»

Будет море —

берегом.

Будет берег —

морем.

Будет холод —
бережным...

А дурак —
немножным!

Будет час —
как сутки.

В областях Союза
от безделья
судьи
и врачи
сопьются!

Будут звезды —
ульями.

Будут страхи —
вздорными.

И воскреснут умные.

И проснутся добрые.

И планеты
скачущие
ахнут
озадаченно!..

А боятся сказочников
только
неудачники.

После оттепели

Ремонт часов

Сколько времени?

– Не знаю...

Что с часами?

– Непонятно...

То спешат они,
показывая скорость не свою.

То, споткнувшись, останавливаются.

Только обонянием
я примерно-приблизительное время узнаю...

Я сегодня подойду

к одинокому еврею.

(Там на площади будочки выстроились в ряд.)

«Гражданин часовщик,

почините мне время.

Что-то часики мои барахлят...»

Он, газету отложив,
на часы посмотрит внятно.

Покачает головою.

Снова глянет сверху вниз.

«Ай-яй-яй! —

он мне скажет. —

Ай-яй-яй! Это ж надо!
До чего же вы, товарищ,
довели механизм...
Может, это не нарочно.
Может, это вы нечаянно.
Для него, — для механизма, —
абсолютно все равно!
Вы совсем не бережете ваше время,
ваши часики.
Сколько лет вы их не чистили?
То-то и оно!..»
Разберет часы потом он,
причитая очень грозно.
И закончит, подышав на треугольную
печать:
«Судя по часам «Москва»,
вы уже довольно взрослый.
И пора уже
за собственное время отвечать...»

Я скажу ему: «Спасибо!»
Выну пятьдесят копеек.
Тысяча семьсот шагов до знакомого двора.
И машины мне навстречу
будут мчаться в брызгах пенных.
Будто это не машины.
Будто это глссера.
Разлохмаченные листья прицепятся
к ботинкам.

Станет улица качаться в неоновом огне...

А часы на руках будут тикать.

Тихо тикать.

И отсчитывать время,
предназначенное мне.

Друг

Мы цапаемся жестко,
Мы яростно молчим.
Порою —
из пижонства,
порою —
без причин.
На клятвы в дружбе крупные
глядим, как на чуму.
Завидуем друг другу мы,
не знаю почему...
Взираем незнакомо
с придуманных высот,
считая,
что другому
отчаянно везет.
Ошибок не прощаем,
себя во всем виним.
Звонить не обещаем.
И все ж таки звоним!

Бывает:
в полдень хрупкий
мне злость моя нужна.
Я поднимаю трубку:
«Ты дома,

старина?..»

Он отвечает:

«Дома...

Спасибо – рад бы...

Но...»

И продолжает томно,

и вяло,

и темно:

«Дела...

Прости...

Жму руку...»

А я молчу, взбешен.

Потом швыряю трубку

и говорю:

«Пижон!!»

Но будоражит в полночь

звонок из темноты...

А я обиду помню.

Я спрашиваю:

«Ты?»

И отвечаю вяло.

Уныло.

Свысока.

И тут же оловянно

бубню ему:

«Пока...»

Так мы живем и можем,

ругаемся зазря.

И лоб в раздумьях морщим,
тоскуя и остря.
Пусть это все мальчишеством
иные назовут.

Листы бумаги
чистыми
четвертый день живут, —
боюсь я слов истертых,
как в булочной ножи...
Я знаю:
он прочтет их
и не простит мне
лжи!

«Родных разыскиваю...»

Родных разыскиваю,
родных...
Веселый хруст
сухарей ржанных.
Два слова,
сказанных невзначай.
В горячих кружках
бесцветный чай.

Родных разыскиваю,
родных...
Детдом вспоил меня,
как родник.
Ребята
с временем обнялись.
(Имен не помню.
Не помню лиц...)

Родных разыскиваю,
родных...
Курящих
в тамбурах ледяных.
Солдат
небритых, как будто лес.
«Не дрейфь, малец!

Победим,
малец!...»
Родных разыскиваю,
родных...
Не смог бы я ничего без них.
Зову:
откликнись,
моя родня...

О, если б кто-то
искал меня!

Стыдливые

С вашей кожей —
как ни старается —
ни один загар
не может справиться.
Потому что кожа ваша
нежная, —
профессионально краснеющая...
Тихо от всего отстраняетесь
(совестно прослыть вдруг
настырными).
Вы ведь не боитесь,
вы
стесняетесь.
Вам ведь не страшно,
вам —
стыдно.
Стыдно
защитить слабого,
мнение иметь
совестно,
стыдно не хвалить
тщеславного,
неудобно с подлецом
ссориться.
Совестно сказать глупому,

что он глуп!

Что это —

надолго!

Стыдно в драку лезть

крупную,

а в мелкую —

совсем неудобно...

Бедные,

как вы только терпите?!

Сколько в вас

святой терпеливости!..

Из стыдливости

плохого вы не делаете.

И хорошего тоже —

из стыдливости.

Вы живете,

вы извиняетесь,

улыбаетесь печально и пустынно...

Нет,

вы не боитесь,

вы

стесняетесь.

Вам ведь не страшно,

вам —

стыдно.

Добрые,

других не укоряющие,

милые,
стеснительные вечно,
удобные,
со стыда сгорающие,
люди-людишки.
Человечки.

Париж, Франсуазе Саган

Пишу вам по праву ровесника,
уважаемая Франсуаза...

Возможно,
вздохнув невесело,
письмо вы поймете не сразу.

То,
над чем вы горюете,
вы знаете лучше всего...

Ходят по улицам
люди
возраста моего.

В Лондоне и в Париже
замашки у них одни.

Свое поколение
лишним
всерьез
называют они.

Они вас считают
знаменем
неверия и порока.

Они вас считают
снадобьем
и даже чуть-чуть
пророком.

Пророки обычно безжалостны,
но я не под богом
рос...

Ответьте, пророк, пожалуйста,
на очень нестранный
вопрос:

кому вы
все ж таки
лишние,

парни,
нарочно небрежные?

Девчонки,
модно подстриженные,
не слишком гордые,
грешные?

Зачем ваши души
выданы
в липкие лапы молвы?

Кому это все ж таки
выгодно,
чтоб лишними

были вы?

Чтоб вы обо всем
забывали?

Чтоб жизнь вам казалась
тесною?

Чтоб вы
вином запивали
песню,

лишь с виду дерзкую:

«Мы

лишние.

Мы неумные.

Нас понимает

любой!

Политики

не признаем мы,

а признаем любовь!

Рабы

разгулявшейся плоти,

мы —

лишнее поколение —

унылое чувство

локтя

сменили

на чувство колена.

Мы лишние,

лишние,

лишние!

Лишние ночью и днём!...»

Конечно,

все это —

личное,

личное ваше дело...

Но вот

к небрежному парню

неумолимо и веско

однажды —

для вящей памяти —
ляжет на стол
повестка.
«Я лишний...
Не надо!
Я лишний...
С политикой я не знаком».

Но рывкнет фельдфебель рыжий:
– Прр-р-прямо-о!
Бегом!! —
А через пару суток
в очень серьезный день
парню
дадут подсумок,
в котором —
сорок смертей.
Потом поведут —
погонят
(он будет не лишним
в строю!).
И пуля его уколет
в Африке,
в первом бою...
Над высушенной гвоздикой
прошебаршит гром.
И на песок
тихий
тихо

вытечет кровь.

Станет сердце

неслышным.

Небо застынет в глазах...

«Не надо...

Ведь я же

лишний...» —

успеет парень

сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.